

*Проскурякова Мария Анатольевна, аспирант,
Иркутский государственный университет Педагогический институт,
Иркутск, Россия*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье предпринята попытка осветить проблемы коллективизации через призму основных подходов исторической науки: формационного, модернизационного и цивилизационного. Проводится анализ историографии проблем коллективизации в трудах общероссийских и сибирских историков.

Ключевые слова: коллективизация, методология, историография, формационный подход, модернизационная теория, цивилизационный подход.

Annotation: In article, an attempt to cover collectivization problems through a prism of the main approaches of historical science is made: formational, civilization and modernization. The analysis of a historiography of collectivization of the all-Russian and Siberian historians is given.

Keywords: collectivization, methodology, historiography, formational approach, civilization approach, modernization approach.

Историография коллективизации до сих пор представляет собой две полярные точки зрения: с одной стороны – грандиозные успехи аграрной сферы и поддержка обществом всех начинаний партии, с другой – репрессии, тоталитарный режим, отсутствие прав и свобод колхозника или единоличника. Соответственно, наиболее важным вопросом современной историографии

истории коллективизации, является выработка ее концепций, места в административно-командной системе и истории нашей страны [7, с. 530].

Основными подходами в современной историографии истории России являются формационный, цивилизационный и модернизационный. Соответственно, нам необходимо проанализировать их соотношение в исследовании проблем коллективизации, а также постараться определить, какой из них более всего отвечает целям ее изучения. Мы отлично понимаем, что исследователь использует в своем труде различные подходы, однако, так или иначе, выбирает доминирующий. В нашей статье нам необходимо определиться, какой подход может быть полезен для решения проблем социально-политической и экономической составляющей «революции сверху», а какой – для анализа культурных, ментальных вопросов коллективизации. Нам известно, что плюрализм подходов обеспечивает некоторую демократию в научном поле и качественно улучшает объект исследования, и тем не менее, мы считаем, что вопрос методологии коллективизации до сих пор остается открытым. Мы не претендуем на полноту ее освещения, но полагаем, что нам удастся внести некоторую ясность в этот вопрос.

Логически и исторически верным будет первым рассмотреть формационный подход, который, относительно вопросов коллективизации, разработан глубже всех остальных. Стоит заметить, что некоторые его положения были истолкованы исходя из партийности советских историков, а потому еще возможно рассмотрение истории коллективизации в соответствии формационного подхода.

Формационный подход базируется на трудах К. Маркса, В.И. Ленина и [16; 17] характеризуется партийностью, жесткими рамками, но также системностью и хорошей архивной проработкой.

Недостатки советской историографии в своем исследовании выделяет Л.И. Боженко: неумение некоторых авторов делать анализ фактического материала и завершить его серьезными теоретическими обобщениями, наличие в работах декларативных, бездоказательных положений, выводов, подтверждаемых только

резолуциями собраний, конференций, подгонка фактов к готовым выводам, замалчивание трудностей, недостатков, ошибок и грубых перегибов в деревенской работе [2, с. 10]. При этом автор, сам не избегая некоторых вышеперечисленных ошибок, руководствуется марксистской концепцией и критикует любые другие взгляды, рассматривая их как буржуазные и антисоветские.

Приведённые в работе Н.Я. Гущина статистические и фактические сведения о раскулачивании, «классовой борьбе», «перегибах» представляли богатый материал для тех, кто придерживался непартийной точки зрения относительно коллективизации. Н.Я. Гущин указывал, что страна жертвовала многим, чтобы решить задачу индустриализации, на базе которой могли осуществиться социалистическая реконструкция народного хозяйства и, позднее, победа в Великой Отечественной Войне [3].

Таким образом, адепты сибирской крестьянской истории делают вполне логический вывод о том, что диктатура пролетариата не могла базироваться на двух различных экономических основах: крупной социалистической промышленности и мелкотоварном единоличном крестьянском хозяйстве. Это привело бы к срыву строительства социализма. Ликвидировать это противоречие можно было путем коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств [10]. Такой же точки зрения придерживаются другие советские исследователи А. П. Окладников [13], Ю. С. Кукушкин [15], И. С. Степичев [24] и др. Мы не стали здесь подробно останавливаться на формационном подходе, который, несомненно, является самым системным и глубоко проработанным. Также мы не осуществляем его критику, поскольку уважительно относимся к колоссальной теоретической и эмпирической работе советских историков. Кроме того, мы считаем, что формационный и модернизационный подходы – оба отражают идеологическую принадлежность исследователей, хотя и находятся на полярных позициях.

Модернизационная теория стала популярной только в 1990-е гг. для интерпретации советской и постсоветской истории. Когда историки говорят о

модернизации государства, они имеют в виду техническую, научную, правовую и экономическую сторону. Возникает закономерный вопрос: неужели модернизация заключается только в развитии данных сфер? История повествует нам, что экономическое и техническое развитие не всегда сопровождается социальной и культурной эволюцией. Более того, по отношению к современному обществу мы часто наблюдаем обратный эффект. Модернизационный подход иногда истолковывают как логическое продолжение цивилизационного подхода [14, с. 17], что представляется нам не совсем верным. Современная историография истории СССР позиционирует модернизационный подход, как основной в противовес формационному, однако аргументы позволяют сделать вывод, что эти подходы похожи, по крайней мере, применительно к советскому периоду.

В модернизационной теории историографии коллективизации, присущей большинству работ современных российских историков, можно выделить два направления. Одно критикует коллективизацию, партию и лично И.В. Сталина, уповая на «революцию сверху» как факт преступной модернизации, проводившейся тоталитарными методами. Второй находит позитивные черты коллективизации или же показывают эффективность колхозной системы, которая могла быть выше при других способах реализации. Так Т. А. Мельникова утверждает, что большинство исследователей характеризует коллективизацию как массовое насилие над деревней, но появилась точка зрения о коллективизации, как форме социалистической аграрной модернизации, обоснованной необходимостью проводить индустриальные меры по поднятию промышленности [19, с. 69].

К первому направлению историографии коллективизации мы отнесем труды В.З. Роговина [23, с. 384] и А.И. Зевелева [5, с. 12-13], которые критикуют сталинизм и его последствия. В. И. Шишкин полагает, что именно поездка И. В. Сталина в Сибирь в 1928 году была апробацией его политического авторитаризма и способствовало активизации внутрипартийной борьбы за власть [29, с. 41-46.]. Кроме того, именно после поездки, видя отсутствие

реальной сильной оппозиции, генеральный секретарь решает начать массовую кооперацию. И.Е. Зеленин называет коллективизацию «социалистическим» экспериментом, одним из наиболее преступных акций сталинской эпохи. Основой коллективизации, по его мнению, стали насилие и массовые репрессии, формой – сельскохозяйственная артель. События 1930-х гг. он называет «Крестьянской войной» [6].

Что касается обычной жизни крестьян, то М.Ю. Ким и К.А. Кузоро указывают, что ее печальными реалиями в 1930-е гг. были голод, крайняя нищета, нерешенность многих социальных проблем и их усугубление в ходе коллективизации [11, с. 64-67]. Подобные взгляды разделяет В.В. Кондрашин, возлагая основную ответственность за голод на руководство страны и лично И.В. Сталина, проводивших антикрестьянскую политику коллективизации и хлебозаготовок [12, с. 67-70].

Н. Л. Рогалина рассматривает колхозы в качестве основного фактора аграрного деспотизма в российской истории. Коллективизацию автор позиционирует не как экономическое мероприятия, но этатизацию, консервативную революцию [22, с. 79-87].

Л. Е. Мариненко и Е. А. Осокина рассматривают в своих работах коллективизацию с точки зрения потребления, отмечая классовый принцип распределения товаров, по которому колхозники имели преимущество перед единоличниками. Сплошная коллективизация, по их мнению, способствовала быстрому перераспределению средств из аграрного сектора в промышленный. Сельское население при этом снабжалось по остаточному принципу [18, с. 213-218; 20, с. 351].

Второе направление модернизационного подхода оценивает коллективизацию как важную и необходимую реформу для выхода из кризиса НЭПа и политического кризиса конца 1920-х гг. В.Н. Земсков задает вопрос относительно коллективизации: что это – историческая ошибка или закономерный процесс развития сельского хозяйства? Также он указывает на необходимость изучения опыта коллективизации, как реформы развития

аграрного сектора, изменившей до неузнаваемости российскую деревню и историю в целом. Автор считает, что в стране, осуществляющей переход к индустриальному обществу, аграрный сектор, представленный сетью мелких полунатуральных хозяйств, нуждался в реформировании [7, с. 516-530].

В.А. Ильиных настаивает на том, что принятие на XV съезде ВКП (б) курса на кооперирование в сельском хозяйстве стало следствием отставания его от промышленности в конце 1920-х гг. и ограниченной возможностью мелкого крестьянского хозяйства. Колхозное строительство вызвало сопротивление кулачества, что побудило руководство страны перейти к массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса [8, с. 51-54]. Д. А. Дроздов объясняет необходимость коллективизации в нарастающих противоречиях НЭПа, что повлекло к поиску новых путей модернизации страны [4]. А. С. Шевляков рассматривает такой аспект коллективизации, как деятельность политотделов. Они создавались в определенные критические ситуации для сельского хозяйства и всей страны, и сумели устранить наиболее явные недостатки в сфере организации общественного производства [27, с. 48].

Таким образом, в 1930-е гг. сложились особые взаимоотношения между властью и крестьянством, которые прослеживаются на протяжении всего советского периода, а его отголоски можно увидеть и сейчас [1, с. 67].

Цивилизационный подход историки также активно используют в своих работах [28], отмечая, что он имеет черты, присущие формационному подходу: линейное развитие, абсолютизация экономической составляющей, принижение значения менталитета. Г. М. Ипполитов указывает, что противостояние «или-или» для формационного и цивилизационного подхода не является рациональным. Существует тенденция объединения обоих подходов в «цивилизационно-формационный», согласно которому исторический процесс рассматривается как взаимодействие цивилизаций и их развитие от доисторического этапа к постиндустриально-информационному [9, с. 233]. Формационный подход берет за основу объективные, не зависящие от человека социально-экономические отношения, цивилизационный же учитывает

разнообразные исторические аспекты, рассматривает человека как элемент общества и истории [27, с. 140]. Так, А. Усмонов указывает, что историческое сознание, несомненно, является фактором формирования национального самосознания. Исследователь, изучающий особенности отечественной истории, должен быть объективен, выше национальной принадлежности своего народа [27, с. 135-136].

На наш взгляд, во многом именно цивилизационный подход исследователи не используют в рассмотрении проблем коллективизации. Это объясняется тем, что сложно анализировать внутригосударственные процессы с точки зрения цивилизации, определить ее вид. Например, согласно теории Н. Я. Данилевского – созидательная она, разрушительная или служит этнографическим материалом [21]. Возможно, что, если поставить задачу иначе, и рассмотреть коллективизацию с точки зрения культуры, менталитета или общественно-политического развития, то можно увидеть процессы 1930-х гг. под совершенно другим углом. Что, если попробовать рассмотреть «революцию сверху», «крестьянскую войну», «классовую борьбу» не в качестве противоборства двух сторон – политической и общественной, не борьбу «всех против всех», но как закономерный этап развития российского (в том временном промежутке – советского) общества? Конечно, можно продолжить конфликтный принцип изучения советской истории, выясняя кто прав, а кто виноват – но будет ли это научным, непредвзятым и объективным, особенно если исследователь изучает историю своего Отечества? Мы не хотим оправдывать ни репрессии и раскулачивание, ни «кулацкий террор» и «бандитизм» - наша задача найти объективные условия применения своей теории, имеющей некоторое тяготение к цивилизационному подходу.

Таким образом, автор данной статьи полагает, что коллективизация была закономерным явлением и исторически детерминирована: политические и экономические цели привели к кооперации, необходимой в условиях советского строя и коммунистической идеологии. Другое дело, что административные и репрессивные методы претворения реформ были невероятно жестоки по

отношению к рядовому человеку, особенно крестьянину, будь то колхозник или единоличник. Однако, они же были эффективны в условиях предвоенного времени для форсированного развития промышленности. Тут не стоит забывать про менталитет и психологию как человека у власти, так и человека рядового: не секрет, что «перегибы» на местах все же были, и довольно сильные.

Наконец, «крестьянская война», которую мы в своих трудах именуем «крестьянские протест», была также закономерным явлением – разве можно было ожидать иного после насильственных методов коллективизации? Партия боролась с кулачеством, обладающим высоким оппозиционным настроением по отношению к Советской власти, а получила набор латентного протеста, выражающегося в низкой сдаче хлеба и активного, представляющего собой поджоги, нападения, убийства сельских активистов. Такая закономерность выражается поговоркой «с чем боролись, на то и напоролись...».

Библиографический список:

1. Бабашкин В.В. 1930-е годы как время складывания основной модели взаимоотношений между народом и властью в советский период // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX-начале XXI в.: Мат. Всерос. Науч. конф. Новосибирск, 2009. с. 64-67.

2. Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в Сибирской деревне (конец 1919-1927 гг.) Томск: Издательство Томского университета, 1969.

3. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в Сибирской деревне: 1920-е-середина 1930-х. – Новосибирск, 1987. 333 с.

4. Дроздков А.В. Итоги новой экономической политики в современное российской историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №4-3. с. 62-66.

5. Зевелев А.И. Истоки сталинизма. Лекция к курсу: Политическая история XX века. М.: Высшая школа, 1990. 109 с.

6. Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. №10. с. 28-43.
7. Земсков В.Н. Коллективизация сельского хозяйства как современная научная проблема / Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отделение ис.-филол. Наук РАН. М.: Наука, 2005. с. 516-530.
8. В.А. Ильиных. Коллективизация Сибирской деревни (историография проблемы) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX-начале XXI в.: Мат. Всерос. Науч. конф. Новосибирск, 2009. с. 51-54.
9. Ипполитов Г.М. Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его потенциал? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т 11. 2009. №6. с. 231-238.
10. Историография крестьянства советской Сибири / В.Т. Анисков, Л.И. Боженко, Н.Я. Гущин. Новосибирск: Изд. Наука. Сибирское отделение, 1976. 477 с.
11. Ким М.Ю., Кузоро К.А. Социальная политика советской власти (1930-е гг.) в Отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2010. с. 64-67.
12. Кондрашин В.В. Новые документы по истории голода 1932-1933 гг. в СССР // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX-начале XXI в.: Мат. Всерос. Науч. конф. Новосибирск, 2009. с. 67-70.
13. Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917-1937) / А. П. Окладников [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
14. Кузмина В.М. Модернизационный подход в современных гуманитарных исследованиях // Научные ведомости. 2014. №22. с. 15-18.
15. Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). М., 1968. 294 с.
16. Ленин В.И. Избранные произведения. В 4-х т. Т. 1. / В.И. Ленин – М.: Политиздат, 1986. 646 с.

17. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. в 2-х т. Т. 1, 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
18. Мариненко Л.Е. Политика советской власти в вопросах снабжения сельского населения Сибири в первой половине 1930-х гг // Вестник КрасГАУ. 2012. №11. с. 213-218.
19. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // историческая и социально-образовательная мысль. 2009. №2. с. 61-71.
20. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941/ 2-е изд. Доп. – М.: РОССПЕН, 2008. 351 с.
21. Павловский А. И. Критическое осмысление цивилизационной модели Н. Я. Данилевского // Вестник пермского университета. 2012. №4. с. 26-32.
22. Роголина Н.Л. Актуальные проблемы изучения Российского крестьянства 1920-1930-е гг. в Свете новейших документальных публикаций // Вестник архивиста. 2004. № 5. с. 79-87.
23. Роговин В.З. Сталинский неонэп. – М., 1992. 384 с.
24. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в Восточно-Сибирской деревне. Иркутск, 1966. 744 с.
25. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990. 336 с.
26. Усмонов А. Историческая наука и цивилизационный подход. Ученые записки. с. 135-147. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-nauka-i-tsivilizatsionnyy-podhod>.
27. Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири (1930-1940 гг.): автореф. дисс. докт. ист. наук. Томск, 2001. 51 с.
28. Шемякина О.Д. Цивилизационный подход к истории России как факт историографии и метод познания: автореф дисс. канд ист. Наук. М., 2011. 290 с.

29. Шишкин В.И. Поездка И.В. Сталина в Сибирь (15 января-6 февраля 1928 года) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX-начале XXI в.: Мат. Всерос. Науч. конф. Новосибирск, 2009. с. 41-46.